

ЛЕВ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

А.И.Любжин

Отдел редких книг и рукописей
Научная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова

Для того, кто задумывается над «школьными» истоками русской культуры, — а без них понять ее достаточно сложно, — невозможно, занимаясь Пушкиным, миновать Царскосельский лицей; трудно, увлекаясь Чайковским, забыть об Училище правоведения; рассматривая генезис и формирование московского направления русского «Серебряного века», игнорировать замечательное учебное заведение на Пречистенке — частную гимназию Льва Ивановича Поливанова. Ее окончили такие яркие писатели, как Андрей Белый и Валерий Брюсов, такой крупный переводчик, как Сергей Васильевич Шервинский. Ее создателю, бессменному директору и наиболее видному педагогу и будут посвящены наши заметки.

I. Curriculum vitae.

Лев Иванович Поливанов (родился в 1838 г. в селе Загарино Нижегородской губернии) — сын артиллерии поручика Ивана Гавриловича Поливанова и Прасковьи Васильевны Поливановой. С 1844 г. семейство перебирается в Москву; в 1849 г. будущий педагог поступает в I гимназию, но уже на следующий год переходит в IV-ю, где ему предстоит впоследствии набираться учительского опыта. В 1856 г. Л. П. становится студентом историко-филологического факультета Московского университета, который заканчивает в 1861 г. Среди его наставников — цвет московской филологии: Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, М. Н. Катков, П. М. Леонтьев. Был учителем — под руководством Ф. И. Буслаева — в женском Мариинско-Ермоловском училище, преподавал в кадетском корпусе. С 1864 по 1875 год работал учителем русского языка и словесности в IV гимназии.

Здесь нам предстоит на некоторое время прервать послужной список. Сам Л. П. позднее в торжественной речи на 25-летнем юбилее своей гимназии так вспоминал об этой эпохе: «Непосредственное личное влияние московских профессоров стало оказывать свое действие на молодое поколение учителей, бывших учениками этих создателей русской науки. Их лекции, их беседы в аудиториях университета, например, на так памятных нам „конверсаториях“ профессора Леонтьева со студентами-филологами, на которые стекались нередко и студенты других факультетов, личные беседы с профессорами в их кабинетах, знакомство с их педагогическим собственным опытом (так как некоторые из них до профессорства сами были учителями гимназий) и потом — их руководство учительскими съездами и комиссиями... вот где показался для нас первый рассвет, рассеявший туман, и явился впервые взорам нашим светлый образ гуманитарной, то есть классической школы». Позднее, в 1890 году, Л. П. вместе с С. Н. Фишер — директором наиболее престижной в Москве частной женской гимназии — создаст памятник незабвенному учителю, издав отдельной книгой статьи Каткова; это и до сих пор одна из лучших (если не лучшая) русская книга по педагогике. Если упускать эту страницу его духовной биографии из виду (что сейчас делается на каждом шагу), ни в педагогической практике, ни в личности Л. П. ничего понять нельзя.

В чем же заключаются те идеи, которыми руководствовался создатель лучшей мужской гимназии первопрестольной? В наиболее сжатом виде их можно сформулировать так: для полноценной подготовки к университетскому образованию (в чем заключается цель гимназии) необходим не поверхностный энциклопедизм и многопредметность, а концентрация внимания ученика на немногих основных предметах, равномерно и усиленно развивающих его интеллектуально-духовные силы. Единственными пригодными для этих целей дисциплинами являются два классических языка — древнегреческий и латынь — и математика. Сам Л. П. был специалистом

широкого профиля: он предпочитал вести русскую словесность и латынь, но мог при желании преподавать и древнегреческий, и любой из основных европейских языков.

В 1868 г. в жизни Л. П. происходит решающее событие: с группой единомышленников он открыл и свыше 30 лет возглавлял частную гимназию, ставшую одной из лучших в Москве (и довольно дорогих — плата до 250 руб. в год!). Ее выбирала для своих детей московская интеллигенция, прежде всего университетские профессора (в отличие от также весьма хорошей гимназии Креймана, буржуазной по своему характеру, и Лицея цесаревича Николая, где предпочитала учить своих детей аристократия). С 1875 г. по решению Управляющего Министерством народного просвещения ученики ее получали права окончивших государственные гимназии.

С 1786 г. Л. П. избран действительным членом Общества любителей российской словесности при университете, он был членом (и секретарем) Комитета грамотности при Императорском Московском обществе сельского хозяйства, с 1889 г. — действительным членом Психологического общества при университете, с 1890 г. — Московского кружка преподавателей древних языков. Кроме педагогической, он известен и своей учено-литературной деятельностью: он подготовил комментированные издания (для школьного и семейного чтения) сочинений Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина; подготовил ряд многократно переиздававшихся школьных хрестоматий и учебников русского языка; переводил Расина и Мольера. Скончался в 1899 г., похоронен на Новодевичьем кладбище. На средства выпускников и педагогов Поливановской гимназии сооружено надгробие (арх. С. У. Соловьев). В. С. Соловьев в некрологе Л. П. писал: «Как характеризовать для незнающих лично Льва Ивановича все своеобразие этой живой, вечно кипящей души? Разве через контраст, — соединяя все черты, прямо противоположные типу узкого, сухого, бездушного педанта, застывшего в определенных формах... Поливанов был воплощенное душевное движение, безостановочная вибрация ума и сердца. Он относился глубоко патетически даже ко всем подробностям того, что казалось ему важным, или интересным, а о том, о чем он мог говорить равнодушно, — он вовсе не говорил» (Вестник Европы, 1899, № 3).

II. Л. П. в воспоминаниях Андрея Белого

Пожалуй, лучшим литературным памятником Л. П. служат две главы, посвященные директору и его гимназии в книге воспоминаний бывшего гимназиста Бори Бугаева «На рубеже двух столетий». Позволим себе несколько коротких выписок: «Л. И. П. был готовый художественный шедевр; тип, к которому нельзя было ни прибавить и от которого нельзя было отвлечь типичные черточки, ибо суммою этих черточек был он весь: не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея: гениального педагога... «Вместо «льва» появится Лев с большой буквы (так звали мы Льва Ивановича) и, сломав все обычные перспективы детской комнатной жизни простым нарисованием на доске «орла» римского легиона, введет в широкую и интереснейшую картину, если это случится в первом классе, где он преподавал латынь; если это перерождение сознания случится в четвертом, то произойдет это за фабулой метаморфозы приключений древнеболгарского «юса» (урок славянской грамматики); он заставит пережить превратные судьбы «юса» в его блуждании по корням, как если бы мы читали приключения Казановы; и... наконец убьет захилевшего «юса», перечеркнув его мелом на доске и взорав над ним:

— На Ваганьково его, на Ваганьково!

В каждом на что-нибудь открывались глаза; в третьем классе на скульптуру фразы (и под формой этой эстетики прояснялся синтаксис); в четвертом — превращения «юсов» лишь — портал, под которым мы проходили для восприятия красот «Слова о полку Игореве»; в пятом — огромной трубой Поливанов-трубач нам вструбливал Шиллера, геттингенскую душу и высокое, чистое отношение к женщине... И Поливанов несся с каждым классом сквозь классы, опять для себя переживая заново основные свои увлечения: римской историей, эстетикой синтаксиса, учением о драме Аристотеля,

чтобы в восьмом классе добить уже усатых молодых людей: любовью к Пушкину». Его уроки — «гром и свет»; страх и радость познания.

Но не только это вспоминается на чужбине постаревшему символисту: некоторые вещи заурядному педагогу не простились бы. Несмотря на непредвзятость в оценках, в их постановке царит настроение; часты требования ответа не своими словами, а книжными; переутомление, иногда заставляющее опаздывать на ранние уроки или вовсе просыпать. Романтический образ дополняет одежда — «кургузая куртchonка и длинный, почти волочащийся сюртук-лапсердак». Враг традиций, в том числе и собственных, которым не дает укорениться в гимназии. Не формулирует свою систему (это, конечно, простое недоразумение). Иногда учитель становится страшен: вот при объяснении «Кубка» Ф. Шиллера он показывает, как «Однозуб распиливает врага: синюю палку карандаша стал свирепо ввинчивать мне в грудь». Но все это не главное: Андрей Белый благодарен за великолепные уроки в искусстве «ощупывать слово», которые так помогли ему впоследствии. И еще — одна реплика, более пронизательная, чем полагал сам ее автор: «Он был превосходный актер и имитатор». А. Белый задает больше загадок, чем решает; но, прежде чем попытаться дать на них ответ, отметим еще одну сторону деятельности Л. П.

III. Шекспировский кружок

Об этом замечательном явлении, к которому с таким интересом в течение десяти лет его существования относилась интеллигенция Москвы, охотно наполнявшая залу Немчиновского театра, подробно сообщает А. Венкстерн в своей очерке «Л. И. Поливанов и Шекспировский кружок». Инициаторами его организации были Н. М. Лопатин и В. С. Соловьев. Их вдохновил школьный Гамлет в постановке старшеклассников (1873 г.) Философы сочли, что было бы целесообразно организовать Шекспировское общество по примеру Лондонского, с чтением рефератов и всеми прочими должными атрибутами. Л. П. не поддержал этот проект — его, ненавистника «казенщины», отталкивали канцеляризм и мертвенность. Но, когда старшие воспитанники окончили курс и пришли к нему с Гамлетом, он горячо поддержал их начинание. 3.10.1875 г. состоялась первая репетиция.

А. Венкстерн вспоминает: «Нам, шекспиристам, выпало на долю счастье воспользоваться первым пылом его педагогического увлечения, первыми порывами свежей, молодой, неутомленной энергии. Мы кончали гимназический курс с литературными познаниями, далеко превосходившими требования программы, с живым интересом к вопросам искусства и художественного творчества, со страстью к театру». Потому молодому поколению поливановцев и не нравилась пустота тогдашней сцены.

Как режиссер Л. П. «выше всего ценил искренность и простоту чтения и совершенно не выносил фальши, рутин, холодной декламации». С этими явлениями он боролся, изображая их в карикатурном виде, после чего никому не приходило в голову повторять ошибку.

Декорации были по необходимости скудными. На все про все использовался «вокзал» — нечто серое, неопределенное, с аркой и колоннами небывалого стиля. Придворные играли с дворянскими шпагами; при необходимости в дело шли латы лейб-гвардии Кирасирского полка. Утешением служило соответствие прообразу: театр шекспировской эпохи порой не имел и того реквизита; но все это прощалось молодым исполнителям за душу, которую они вкладывали в свою игру. К сожалению, эта деятельность постепенно сошла на нет, и кружок умер естественной смертью.

IV. Триумф и трагедия.

Личность Л. П. нельзя понять, исходя из *одного* начала; слишком много в его трудах и днях внутренних противоречий. Несовместимое мирно уживалось в его личности — Расин и Шекспир, спокойный стиль научно-педагогической прозы, демонстрирующей фантастическую и ныне едва ли кому доступную эрудицию, и страстный педагогический порыв, ставший основным стилем его общения с людьми.

Л. Лопатин, его ученик и впоследствии сотрудник, дает ему такую характеристику: «На собственном живом примере он наглядно показал, что сильная личность в истинном и благородном значении этих слов должна выражаться не в бесплодном утверждении себя, а в забывающем о себе и беззаветном служении сверхличным целям. Если ему давать вообще какое-нибудь общеупотребительное определение, его всего скорее следует назвать романтиком в старинном и хорошем значении этого понятия».

Но романтизм — одна сторона медали. Наряду с вдохновенным порывом есть и прочное дело. Безусловно, великий педагог Поливанов — очень крупный актер, и его интерес к театру чувствуется во всем — и в научных темах, и в выборе произведений для перевода, и в том русле, которое он придает художественной жизни гимназии. Он вдохновенно и с полной отдачей «играет» свои уроки. Но содержимое, заключенное в этой блестящей и столь завлекательной для талантливого юношества оболочке — вечная и нестареющая традиция европейской образованности, не желающей отказываться ни от одного из завещанных ей сокровищ, из которых творчество на родном языке — важная и неотъемлемая часть, но только часть. Судьба Л. П. была к нему благосклонна: он прошел славное и плодотворное жизненное поприще и не стал свидетелем того, как дорогие ему ценности и идеи постепенно уходили из русской школы, пока, наконец, ее лучшие достижения не погибли в засасывающей воронке мировой и гражданской войны.

Врез 1. Народ не живет замкнутою, отдельно от других народов жизнью. Через отдельные личности входит он в общение с другими народами и область их идей воспринимает в свою область. Потому в ряду школ должны быть такие, которые способствовали бы этому общению. Среди предметов обучения являются в таких школах другие языки, чужие...

Человек, ставший младшим членом великой семьи образованных народов, не удовлетворил бы вполне стремлению расширить пределы своего духовного бытия и не может считать себя достойным совместником носителей современной ему культуры, если чужда ему связь с культурой древней, которая дала жизнь образованию новых народов...

Со внесением этих языков, родной язык, почерпавший силы в родном источнике, получает возможность и к высшему совершенствованию, укрепляясь и возрастая постоянным исканием скрытых богатств своих навстречу тому содержанию, которое заключают в себе указанные выше основы европейского образования... В этом отношении школа не учит родному языку, а *блюдет* его, *способствует* ему, *совершенствует* его, *приобщает* ему, *охраняет*, *возвращает* и *укрепляет* его.

Значение отечественного языка в школе. Предисловие к разделу «Русский и церковнославянский язык. — Словесность русская и иностранная» Учебно-воспитательной библиотеки. Т. 1, М., 1876.

Врез 2. Учениками русских гимназий должны быть прочтены лучшие былины как киевского, так и новгородского цикла. Народная поэзия, непосредственно действуя на душу юноши, должна служить духовной связью человека, получающего образование, с той стороной простолудина, которая проявила себя в творчестве. Если школа не сумеет с должным уважением отнестись к этим величавым идеалам народной фантазии, то воспитанники ее будут лишены существенного элемента в своем образовании: уважения к той народной массе, среди которой им суждено действовать в жизни.

Из рецензии на Пособие при изучении русской словесности П. Смирновского.

Врез 3. Из гимназической программы 1884/1885 года.

По Русскому языку:

В седьмом классе:

Симеон Полоцкий. Феофан Прокопович и Стефан Яворский. Посошков и Татищев. Кантемир (Биография. Сатира *На хулящих учение*). Ломоносов (Биография. Его письма;

трактат *о пользе книг церковных*, *Похвальное слово Петру В.* в отрывках; *Ода на день восшествия на престол Имп. Елисаветы* с отрывками наизусть). Сумароков (его трагедии). Екатерина II. Державин (Биография. *Фелица* и *Видение Мурзы*. *Памятник*; приватное чтение других произведений по Избранным сочинениям Державина, изд. Л. Поливанова. Ф. Визин (Биография. Сцены из *Бригадира*, *Недоросль*). Херасков. Богданович. Хемницер. Театр при Екатерине II: Княжнин, Аблесимов. Отрывки из их сочинений. Крылов (Биография. Сатирические журналы, басни). Карамзин. Его биография и литературная деятельность. Письма русского путешественника по «Избр. сочинениям Карамзина», ч. I, изд. Л. Поливанова. — *История государства Российского*: Предисловие (усвоение содержания и изложение). Места I тома, соответствующие прочитанным отрывкам летописи (Сличение в отношении изобретения, расположения и выражения). Чтение отрывков из последних томов «Истор. Госуд. Рос.». — Спор о старом и новом слоге. И. И. Дмитриев. Озеров. Гнедич и другие переводчики классических писателей. Жуковский. Биография. *Ленора Бюргера*, *Людмила* и *Светлана Жуковского* (сличение). «*Певец во стане русских воинов*. *Торжество победителей*. *Ивиковы журавли*. *Жалоба Цереры*. *Орлеанская дева*. Батюшков. Его жизнь. *Тень друга*, *Умиравший Тасс...* Теория драматической поэзии (по III-му тому Русской Хрестоматии Льва Поливанова). Чтение одной из трагедий Шекспира.

По Французскому языку: Чтение *Истории крестовых походов* Мишо. *Скупой* Мольера.

По Немецкому языку: Чтение трагедии Шиллера (*Орлеанская дева*).